

Шесть утра. Небо за окном было чернильно-черным, а северный ветер с ожесточением швырял в стекло колючие снежинки.

В то время как снаружи бушевала непогода, в квартире было тепло и уютно: система климат-контроля работала безупречно. Именно поэтому утренний подъем давался Цэнь Сяо и Ли Жуну с каждым разом всё тяжелее.

Расследование против фармацевтической компании «Мэйцзян» длилось уже почти три месяца. И сегодня должны были прийти результаты экспертизы старых партий лекарства.

Юноша нащупал будильник и выключил его. С трудом поднявшись, он принялся растирать лицо ладонями, заставляя мозг проснуться, но через мгновение его голова снова бессильно опустилась.

«Знал ведь, что по будням нужно вставать рано, — Ли Жун уткнулся носом в одеяло, — не стоило вчера так увлекаться вместе с Цэнь Сяо. Теперь всё тело ломило, голова была тяжелой, и мне не хочется шевелить даже пальцем»

Услышав возню, Цэнь Сяо тоже открыл глаза. В отличие от своего спутника, он проявил завидную волю: решительно откинул одеяло и встал, окончательно разрывая связь с манящим теплом постели.

Ли Жун поднял взгляд, полный искренней зависти. Обычно он не давал себе поблажек, но сегодня какая-то неведомая сила буквально пригвождала его к матрасу.

Несмотря на то что Цэнь Сяо проспал всего четыре часа, он выглядел вполне бодрым.

— Я в душ. Что тебе приготовить на завтрак?

Юноша прикрыл глаза и едва заметно нахмурился. Есть не хотелось совершенно — только спать. Он покачал головой:

— Скоро пробежка. Поем уже в университете.

В Университете А строго следили за физической формой студентов: первокурсники обязаны были каждое утро полчаса бегать на стадионе. Сбор в шесть тридцать, окончание в семь, затем час на завтрак и отдых, а в восемь — начало занятий.

Цэнь Сяо, благодаря своему статусу в Девятом районе, был избавлен от этой повинности. Руководство вуза прекрасно понимало, что нормативы Девятого района куда жестче любых студенческих стандартов. Ли Жуну же повезло меньше.

Многие в его группе еще не осознали, насколько либерален Чжан Чжаохэ как куратор, поэтому спорторг относился к своим обязанностям со всей серьезностью: ежедневно вел таблицы посещаемости и исправно докладывал директору учебной части.

Директором учебной части была Лю Таньчжи. Она, разумеется, знала, чьим сыном является Ли Жун, и прекрасно помнила о своей роли в судьбе его родителей. Именно поэтому юноша уже несколько раз прогуливал пробежки, а директор ни разу не вызвала его «на ковер».

Очевидно, Лю Таньчжи не воспринимала его всерьез, но и встречаться лишний раз с родственником своих жертв не горела желанием. Даже у самых расчетливых и жестоких людей порой просыпается капля стыда перед теми, кого они растоптали, — особенно если те пребывают в неведении.

Однако этот запас неловкости не был безграничным. Если Ли Жун продолжит нагло игнорировать дисциплину, Лю Таньчжи рано или поздно вцепится в него. А парню сейчас было не до интриг с ней — всё его внимание поглотило дело «Мэйцзян».

Обычно подъем в шесть был для него нормой, но сегодня, даже когда Цэнь Сяо закончил умываться, Ли Жун так и не сдвинулся с места. Он лишь заставил себя выбраться из-под одеяла и теперь сидел, тупо глядя в пространство.

Цэнь Сяо взглянул на часы. Было уже шесть пятнадцать. Если Ли Жун не пошевелится, он точно опоздает на стадион. Он подошел к кровати и, упершись руками в матрас, заглянул Ли Жуну в глаза:

— Почему ты сегодня такой разбитый?

Почувствовав свежий, прохладный аромат воды, исходящий от Цэнь Сяо, юноша немного пришел в себя и пробормотал:

— Да уж... Вчера я вроде особо не усердствовал, это всё ты... Ладно, пора вставать.

Он сполз на край кровати, сунул ноги в тапочки и, стиснув зубы, поднялся. В ту же секунду кровь ударила в голову, перед глазами заплескались мушки, а в коленях появилась предательская слабость.

Цэнь Сяо заметил его состояние и приложил ладонь к его щеке. Кожа Ли Жуна была обжигающе горячей, а на скулах горел нездоровый румянец.

— Кажется, я простудился, — констатировал юноша.

Постоянный недосып подорвал иммунитет. Ли Жун не обладал такой выносливостью, как Цэнь Сяо, и хотя по молодости лет считал себя неуязвимым, организм всё же взбунтовался.

Цэнь Сяо уложил его обратно и плотно подоткнул одеяло:

— Никуда ты не пойдешь. Плевать на этот бег. Я распоряжусь, чтобы Третий район выписал тебе справку о стажировке. Больше тебе не придется вставать в такую рань.

Он слабо шлепнул его по руке и прищурился. В его голосе, несмотря на хрипотцу, промелькнули смешинки:

— Ты просто спишь и видишь, как бы заявить всем о нашей связи.

Его лицо пылало, но пальцы были ледяными. Цэнь Сяо переложил ладонь ему на лоб:

— Я и впрямь готов объявить об этом всему миру. Давай, измеряй температуру. Посмотрим, хватит ли таблеток или придется ехать в больницу.

Ли Жун прислушался к своим ощущениям:

— Градусов тридцать восемь, не больше. В больницу не поеду, лекарства тоже пока ни к чему. Мне просто нужно выспаться.

Раз он мог здраво рассуждать и держаться на ногах, значит, лихорадка была некритичной. Цэнь Сяо достал бесконтактный термометр. На дисплее высветилось ровно тридцать восемь — Ли Жун не ошибся ни на деление.

Убрав прибор, Цэнь Сяо немного успокоился:

— Я принесу лед, чтобы сбить жар.

Он легонько подтолкнул его к выходу:

— Сегодня ведь должны быть результаты экспертизы. Езжай в Девятый район. Я не хрустальный, обычная простуда.

Цэнь Сяо медлил, ему совершенно не хотелось уходить.

— Могу и из дома поработать. Гэн Ань перешлет мне все данные.

Ли Жун с трудом сфокусировал на нем взгляд:

— Если ты останешься, мне придется тащиться в университет. У меня сегодня четыре пары, я

не могу прогулять их все — некоторые преподаватели даже моего имени еще не запомнили.

Цэнь Сяо отвел влажную прядь с его лба и тихо произнес:

— Не хочу, чтобы ты так изводил себя.

Ли Жун не удержался от улыбки:

— Какое там «изводил». Это ты так считаешь, потому что любишь меня. Другие бы послушали и решили, что я просто капризничаю.

Цэнь Сяо нахмурился, явно не согласный с таким подходом:

— Какое мне дело до других, когда речь идет о моем сокровище?

Тем не менее Ли Жуну удалось выставить его за дверь. Прогулять пары в Университете А было легко, но работа в Девятом районе требовала полной самоотдачи. Хань Цзян только и ждал промашки Цэнь Сяо, чтобы продвинуть Ду Минли. К тому же ходили слухи, что Ду Минли сменил тактику и всюю пытается переманить на свою сторону ключевых разработчиков из фармацевтической компании «Мэйцзян».

Перед уходом Цэнь Сяо строго наказал:

— Я постараюсь вернуться как можно скорее. Постоянно следи за температурой. Если станет хуже — немедленно в больницу.

Ли Жун кивнул и добавил:

— Как только придут результаты, скинь копию мне на почту.

Когда дверь за Цэнь Сяо закрылась, он приложил к голове пакет со льдом и снова зарылся в одеяло. Состояние было паршивым. О стадионе не могло быть и речи, но и получить официальное освобождение в медпункте он не мог — для этого нужно было там появиться. А так как он жил даже не в общежитии, ситуация осложнялась.

Поразмыслив, Ли Жун всё же решил ответить Чжан Чжаохэ, чьи сообщения игнорировал последние два дня.

[Ли Жун: Сегодня заболел, на пробежку не приду. Можно попросить отгул?]

Ответ пришел минут через десять.

[Чжан Чжаохэ: Ты и так пропустил кучу профильных лекций. Тебе не всё равно?]

Чжан Чжаохэ не упускал случая упрекнуть его в халатном отношении к учебе. Студент до сих пор не понимал: почему человек, чье имя ни разу не всплывало в разговорах его родителей, не только пришел на их похороны, но и так печется о его оценках?

[Ли Жун: В этот раз я действительно болен.]

Чжан Чжаохэ тут же перезвонил. Его голос звучал устало — старик явно только что проснулся.

— Скоро сессия, а ты весь семестр... Надеюсь, ты понимаешь, что делаешь. Если планируешь переводиться на другой факультет, твой средний балл должен быть в первой десятке рейтинга.

Студент усмехнулся, голос его звучал слабо:

— Спасибо за заботу, но мне всего лишь нужно отлежаться.

Куратор замолчал, видимо, уловив болезненную хрипотцу в его словах.

— Seriously заболел?

— Тридцать восемь. Слабость во всем теле. На стадион я уже не успею, как только станет легче — приду на лекции.

В трубке повисла пауза, прежде чем собеседник снова заговорил наставительным тоном:

— Это может быть не просто простуда. Сходи в медпункт. У тебя ведь нормальные отношения с соседями по комнате? Попроси кого-нибудь проводить тебя. Если врач выпишет справку, сегодня можешь не приходить.

— О?

Ли Жун мгновенно насторожился.

«Чжан Чжаохэ не знает, что я живу не в общежитии»

Старик, судя по звукам, нащупал свои очки и, надевая их, переспросил:

— Что такое?

— Ничего, — юноша пару раз кашлянул. — Если жар не спадет, я обязательно дойду до врача.

— Да уж, постарайся, — вздохнул Чжан Чжаохэ. — Я бы хотел, чтобы ты серьезно относился к учебе в Университете А. Учитывая мою дружбу с твоим отцом, я искренне желаю тебе стать достойным человеком.

Слова звучали искренне, и при упоминании Ли Цинли голос собеседника заметно дрогнул. Обычно он избегал этой темы, чтобы не бередить раны юноши, но сейчас, видимо, решил, что это единственный способ достучаться до нерадивого студента.

— Благодарю, — коротко ответил Ли Жун.

Однако его мысли были уже далеко от мнимой дружбы куратора с его отцом. Повесив трубку, он отбросил лед и, массируя переносицу, принялся по крупницам восстанавливать хронологию поведения Сун Хэ.

С самого начала Сун Хэ демонстрировал неприязнь к Хэ Чанфэну. Тогда он даже пытался подружиться с Ли Жуном, предлагая создать некий альянс против их богатого и заносчивого соседа. Тот на эту удочку не клюнул, и парень был явно разочарован.

Но разочарование было недолгим. Сосед, казалось, и не собирался заводить друзей в общежитии. Какое-то время он вел себя как волк-одиночка, игнорируя выходы Хэ Чанфэна и никак не реагируя на прогулы Ли Жуна.

Всё изменилось в один день. Юноша перестал пропадать в библиотеке до ночи и начал активно набиваться Ли Жуноу в приятели. Его попытки были настолько неуклюжими и натянутыми, что Ли Жун сразу почуял неладное.

С того момента Сун Хэ не имел ни единого шанса выудить у него хоть крупницу важной информации. И всё же таинственный покровитель продолжал спонсировать его, избавляя от необходимости подрабатывать, лишь бы тот продолжал жить в одной комнате с Ли Жуном.

Что же он мог докладывать в течение всего этого семестра? Когда Ли Жун не ночевал в общежитии, какие лекции прогулял, каково его душевное состояние, есть ли у него проблемы с деньгами, с кем он общается...

Всё это — пустяковые сведения, которые лишь подтверждали: Сун Хэ был не лучшим кандидатом для шпионажа. Этим таинственным благодетелем не мог быть Чжан Чжаохэ (он даже не знал, что Ли Жун не живет в общежитии), не мог быть Ли Байшоу, который его ненавидел. И вряд ли это были Хань Цзян или Лю Таньчжи — слишком мелко для их масштабных интриг.

«Кто же тогда?»

Его размышления прервало сообщение от Цэнь Сяо.

[Цэнь Сяо: Результаты экспертизы пришли. Скинул тебе на почту. Как ты себя чувствуешь?]

Ли Жун встрепенулся. Не потрудившись ответить, он сразу зашел в почтовый ящик.

На этот раз тестировали двадцать таблеток: десять из партии с «белой лошадью» и десять — с «серой». Брат Янь специально распорядился провести сравнительный анализ. Ли Жун быстро пробежал глазами отчет.

Несмотря на то что у обоих образцов истек срок годности и активность компонентов снизилась, таблетки «Юаньхэшэна» с эмблемой белой лошади по своим свойствам были максимально близки к оригинальному препарату. Таблетки же с серой лошадью... они были абсолютно бесполезны. Мусор в красивой оболочке.

Но было и кое-что еще. В составе качественных таблеток с белой лошадью обнаружили нейлоновые волокна — те самые, что применяются в производстве одежды.

Это значило только одно: даже те партии «Юаньхэшэна», которые должны были стать воплощением «совести» Хэ Даюна, производились в условиях, грубо нарушающих любые санитарные нормы.

<http://bllate.org/book/15351/1443761>